
Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский, царевич Димитрий, Московский и всея России Чудотворец.

(Окончание).

При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, какъ бояре могли признать Григорія Отрепьева за истиннаго царевича Димитрія? Самозванецъ вступилъ въ предѣлы Россіи не растрогой, бѣглымъ монахомъ, но съ именемъ Димитрія царевича, поддерживаемый королемъ польскимъ, окруженный панами польскими. Сколько ни утверждалъ Борисъ Годуновъ, что это Гришка Отрепьевъ, странно было вѣрить подобному объявленію, когда всякій понималъ, что Годунову нужно было выдать явившагося претендента на престолъ за Самозванца, а полякамъ не было видимыхъ расчетовъ поддерживать вора растригу. И какъ подозрѣвать въ этомъ отважномъ воинѣ бѣглаго монаха московскаго? Лично Григорій Отрепьевъ былъ извѣстенъ весьма немногимъ и тѣмъ менѣе боярамъ, которые если и видѣли гдѣ діакона Отрепьева, то не обращали никакого вниманія на него. Притомъ перемѣна костюма, большая возмужалость и иныя манеры могли дѣлать его не узнаваемымъ даже и для знавшихъ его. Не безъ причины, конечно, Самозванецъ не носилъ бороды, чтобы она не напоминала его монашескій обликъ; для того же, можетъ быть, онъ зачесывалъ волосы вверхъ, чтобы открытѣе было лицо, которое у монаха, прикрытое клобукомъ и бородой, могло имѣть другой видъ; народу являлся Самозванецъ съ покрытой головой, никогда ее не обнажая, такъ что и цвѣтъ волосъ его не былъ виденъ. Между тѣмъ вы-

годы многихъ бояръ влекли ихъ на сторону явившагося претендента на московскій престолъ. Когда Борисъ умеръ, очевидно было, что его сынъ не удержится на престолѣ, а потому лучше перейти на сторону ложнаго Дмитрія, чтобы занять при немъ видное мѣсто. Такъ поступилъ Басмановъ, исполнѣ увѣренный, что онъ служить не Дмитрію царевичу. Да и другіе вельможи не очень смущались службой у завѣдомыхъ воровъ, какъ показываетъ исторія другихъ самозванцевъ. Къ Тушинскому вору отправились служить Трубецкой, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины и другіе, исполнѣ зная, что онъ обманщикъ и притомъ самый грубый мужикъ. Собственныя выгоды, личные расчеты ставились на первомъ планѣ. Тѣ же побужденія могли склонить бояръ къ признанію перваго Самозванца. Послѣ гибели перваго Самозванца естественно было явиться разнымъ толкамъ и предположеніямъ о его личности и происхожденіи. Растрига, бѣглый монахъ низкаго происхожденія, и царь—это казались понятія несомѣстимыя. Не только само по себѣ это событіе представлялось невозможнымъ, но имъ оскорблялось самолюбіе многихъ слугъ Самозванца, многихъ лицъ, величавшихъ его, какъ царя. Особенно кому больно это было, такъ это гордымъ иноземцамъ и вообще не уважающимъ русскихъ. Какъ было примириться, напримѣръ, ясновельможнымъ панамъ польскимъ, которые незнатныхъ не звали даже людьми, а быдломъ, съ мыслию, что они лобызали руку, съ благоговѣніемъ предстояли предъ растригой монахомъ, считая за великую честь для себя породниться съ нимъ. Потому одни продолжали твердить, что это былъ истинный Дмитрій царевичъ, другіе—что это былъ побочный сынъ короля Стефана Баторія, третьи—что это былъ полякъ хорошаго рода. Готовы были признать его дьяволомъ воплощеннымъ, только бы не Гришкой Отрепьевымъ. Сами русскіе, которые имѣли положительныя доказательства, что это былъ Отрепьевъ, такъ были поражены его чудною судьбой, что объяснили успѣхъ его чернокошничествомъ и волшебствомъ ¹⁾).

Осудимъ ли мы тогдашнихъ святителей нашихъ за то, что они покорились Самозванцу? Это было бы несправедливо. Пока въ Россіи былъ законный государь и патріархъ, Лже-

¹⁾ Сказаніе объ этихъ толкахъ у Маржерета и Массы.

дмитрій не имѣлъ рѣшительныхъ успѣховъ, архіереи противодѣйствовали ему и своими анаѣмами и своими убѣжденіями къ народу. Но когда не стало ни государя, ни патріарха, когда Лжедмитрію покорились цѣлыя области Россіи, все войско, всѣ бояре и вся Москва, и признали его большею частью по убѣжденію за истиннаго царевича Димитрія,—тогда неудивительно, если нѣкоторые изъ архіереевъ могли поколебаться въ своихъ прежнихъ понятіяхъ о немъ и признать его за истиннаго царевича, то-есть покориться ему по убѣжденію; и другіе, лучше знавшіе правду, покорились, быть можетъ, потому, что не въ силахъ были, какъ и многіе изъ мірянъ, противостоять общему увлеченію. Какъ на исключеніе можно указать только на Астраханскаго архіепископа Θεодосія. Еще въ то время, когда Лжедмитрій дѣйствовалъ на югѣ Россіи, не столько оружіемъ, сколько своими грамотами, и ему передавались одинъ за другимъ города, такое же движеніе обнаружилось и въ Астрахани. Архіепископъ Θεодосій мужественно противился этому, убѣждая народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть Самозванецъ, похититель царскаго имени. До архіерейства Θεодосій былъ священникомъ Яковлевскаго села, въ трехъ верстахъ отъ Ярославля и потомъ, овдовѣвъ, былъ игуменомъ Толгскаго монастыря, а потому объ убіеніи царевича Димитрія могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Но возмущившіяся астраханцы едва не убили своего архіастанья и отвели его изъ архіерейскаго дома въ Троицкій монастырь подъ стражу, а самый домъ архіерейскій разграбили. Повоцареніи Лжедмитрія они съ безчестіемъ привели Θεодосія изъ Астрахани въ столицу и представили государю. Самозванецъ съ гнѣвомъ и раздраженіемъ сказалъ архіепископу: астраханскія смуты всѣ отъ тебя, и ты предъ людьми называешь меня не прямымъ царемъ; да кто-де я? Θεодосій безбоязненно отвѣтилъ: „знаю, что ты называешься царемъ, но прямое имя твое Богъ вѣсть, ибо прирожденный Димитрій царевичъ убитъ въ Угличѣ и мощи его тамъ“. Смѣлый отвѣтъ подѣйствовалъ на Лжедмитрія такъ, что онъ не только не предаль казни Θεодосія, но не велѣлъ даже его оскорблять ¹⁾.

¹⁾ Житіе, иже во святыхъ отца нашего Θεодосія, архіепископа Астраханскаго Чудотворца. Яросл. Епар. Вѣд. 1890 г. № 12 ч. неоф.

Всѣ современники архіепископа Θεодосія, какъ въ официальныхъ отзывахъ, такъ и въ частныхъ сказаніяхъ, единогласно называютъ перваго Самозванца Григоріемъ Отрепьевымъ. Борисъ Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ столь важномъ дѣлѣ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, когда многіе люди знали его въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдовательно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца. Наконецъ, Москвитяне видѣли Лжедимитрія живого, мертваго, и все еще утвердительно признавали его діакономъ Григоріемъ: ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздавался въ потомствѣ до нашего времени. Борисъ объявилъ Самозванца Отрепьевымъ не по первой вѣсти о его появленіи, но спустя болѣе года, хотя онъ слышалъ о томъ, кто былъ этотъ Самозванецъ. Было время Борису собрать свѣдѣнія и обдумать послѣдствія завѣдомо ложнаго извѣстія. Первые обстоятельныя свѣдѣнія Борисъ получилъ отъ дяди Отрепьева, Смирнова-Отрепьева.

Изъ грамоты Бориса къ Сигизмунду, посланной въ сентябрѣ 1604 года съ Огаревымъ ²⁾, видно, что Борисъ имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, кто и куда посланъ былъ распространять вѣсть о мнимомъ Димитріи. И напрасно видятъ признакъ сомнѣнія Бориса относительно тождества явившагося Димитрія съ Отрепьевымъ въ словахъ, что еслибы это лицо былъ настоящій Димитрій, то и тогда онъ не имѣлъ бы права на престоль, какъ рожденный отъ седьмой жены Грознаго. Это сказано только, чтобы болѣе убѣдить Сигизмунда не вступаться за появившагося царька. Впрочемъ при быстрыхъ усѣхахъ Самозванца, при общемъ говорѣ, что явился Димитрій царевичъ, какъ будто замѣчалось колебаніе въ мысляхъ самого Бориса. Иногда обстоятельства слагаются такъ, что начинаешь сомнѣваться и въ томъ, что самъ считалъ прежде несомнѣннымъ. Потому можно считать справедливымъ свидѣтельство одного лѣтописца русскаго, что „самъ Борисъ бысть въ великомъ сумнѣніи, помышляя,

¹⁾ Сборн. Обол. 1838 г. № 8.

егда будетъ и правду не растрига, а царевичъ Димитрій¹⁾. Это колебаніе въ мысляхъ, объясняющее, почему многие приняли Самозванца за истиннаго Димитрія, ничего еще не говоритъ противъ того, что этотъ Самозванецъ былъ Григорій Отрепьевъ. Что сказано было Годуновымъ о первомъ Лжедимитріѣ при его появленіи, то повторено было Шуйскимъ и Боярскою Думой послѣ его гибели. Предъ лицомъ Филарета и Ивана Никитичей Романовыхъ и, конечно, съ согласія ихъ, сказано, что Отрепьевъ служилъ въ юности въ холопахъ у дѣтей Никитичевыхъ Романовыхъ. И послѣ вступленія на престолъ Михаила Феодоровича, когда не стало уже ни одного Лжедимитрія, продолжали утверждать то же. Имя Григорія Отрепьева внесено и въ чинъ проклятія въ недѣлю Православія. Патріархъ Филаретъ могъ бы безопасно вычеркнуть изъ этого списка Григорія Отрепьева, если онъ безвинно прежде былъ включенъ сюда. А патріархъ Филаретъ лучше другихъ могъ бы знать, что первый Лжедимитрій—не былъ Отрепьевымъ, если это дѣйствительно было такъ.

Далѣе; мы не можемъ не признать важнымъ свидѣтельство о личности перваго Самозванца, сохранившееся въ Сергіевой Лаврѣ у Авраамія Палицына, Симона Азарына и князя Шаховскаго, повѣсть котораго объ Отрепьевѣ внести Симонъ Азарыинъ въ Лаврское книгохранилище, потому что Авраамій и Симонъ были люди близкіе къ Діонисію архимандриту, у котораго въ Старицахъ доживалъ послѣдніе дни патріархъ Іовъ, и, конечно, съ Діонисіемъ, какъ настоятелемъ монастыря и человѣкомъ духовной жизни былъ искрененъ въ своихъ бесѣдахъ. Эти писатели безъ всякаго колебанія признаютъ перваго Самозванца Григоріемъ Отрепьевымъ.

Кажется, что и самъ Самозванецъ, въ началѣ появленія своего въ Польшѣ съ именемъ Димитрія царевича, не скрывалъ того, что онъ подъ именемъ Григорія Отрепьева укрывался въ Россіи. Иначе для чего бы ему рассказывать свои походженія такъ, что въ нихъ повторилась исторія Отрепьева.

Было много случаевъ, когда Самозванецъ могъ и долженъ былъ бы для своей выгоды ясно выставить, что онъ не одно-

¹⁾ Врем. XVI, Иное сказаніе о Самозванцѣ 22, 23.

лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ его царствованія не содержитъ прямого опроверженія наименованія его Григоріемъ Отрепьевымъ.

Увѣдомляя изъ Путивля короля Польскаго и Бучинскаго о томъ, что войско русское прислало князя Ивана Голицына съ заявленіемъ покорности и объясненіемъ, что противъ Гришки Отрепьева—растриги присягали они стоять, а не противъ царевича Димитрія Іоанновича, Лжедимитрія ничего болѣе не говоритъ относительно Отрепьева.

Онъ какъ будто просить у нихъ совѣта, какъ поступить ему. Очевидно представлялось опаснымъ объявить теперь, что подъ именемъ Отрепьева скрывался именно онъ, Димитрій царевичъ. Православные не могли примириться съ тою мыслию, что растрига будетъ царемъ. Дѣйствительно Самозванецъ уже не повторяетъ тѣхъ вѣстей, какія рассказывалъ о себѣ въ Польшѣ. Онъ ограничивается неопредѣленными фразами о своемъ спасеніи въ юности. Если когда, то теперь слѣдовало ему уничтожить обнародованное Борисомъ извѣстіе, что онъ—Григорій Отрепьевъ и въ Путивлѣ была сдѣлана попытка указать на какого то подставного Отрепьева. Въ иномъ сказаніи о Самозванцѣ читаемъ ¹⁾: „Многіе говорили, что идетъ Димитрій, а не растрига, да и растригу прямо съ собой въ Москву везеть и покажетъ, чтобы не сомнѣвались люди“. Молва, такимъ образомъ, пущена была. Но когда пожелали подтвержденія сему извѣстію въ Путивлѣ, то объявили что Отрепьевъ посаженъ въ темницу за вину нѣкую. Видно, что попытка показать подставного Отрепьева была не совсемъ удачна и его постарались убрать. Въ извѣстіи о заключеніи въ тюрьму Отрепьева, кажется скрывается та истина, что въ Путивлѣ, когда русскіе окружили Самозванца, при немъ не видѣли никакого Григорія Отрепьева. Польскіе спутники не упоминаютъ объ Отрепьевѣ. Можетъ быть, со стороны Лжедимитрія то была не первая попытка показать подставного Отрепьева, ибо есть извѣстіе, что будто въ Кіевѣ монаху Леониду Крыпецкому онъ велѣлъ называться Григоріемъ Отрепьевымъ ²⁾.

¹⁾ Врем. XVI, 22. 23.

²⁾ Карамз. т. XI, 200.

Этимъ объясняется и разногласіе о походе Отрепьева въ Кіевъ. Конечно, онъ имѣлъ цѣлю запутать свой слѣдъ отъ шціоновъ Бориса Годунова.

Въ продолженіи одиннадцатимѣсячнаго правленія Лжедмитрія много разъ раздавались голоса, называвшіе царя растрогой. Казнями отвѣчали за это названіе, а ничѣмъ не доказали лживости такого обвиненія.

Самозванецъ не боялся объявить, что онъ носилъ имя Григорія Отрепьева, но такъ какъ вмѣстѣ нужно было признаться, что онъ растрига,—онъ и долженъ былъ молчать. Замѣтили, что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Авраамій Палицынъ говоритъ, что бывшій Чудовскій архимандритъ, тогда митрополитъ Крутицкій, Пафнутій, съ перваго раза узналъ въ новомъ царѣ бывшаго монаха своего монастыря, но не посмѣлъ объявить о семъ. Смирный Отрепьевъ, дядя Григорія Отрепьева, былъ сосланъ въ Сибирь. Названный Дмитрій и въ Москвѣ уклонялся отъ очной ставки съ нимъ, какъ уклонялся отъ нея и въ Польшѣ ¹⁾.

Въ рѣшеніи вопроса о томъ, былъ ли первый Лжедмитрій Отрепьевымъ, большое значеніе имѣлъ бы судъ надъ княземъ Василюмъ Ивановичемъ Шуйскимъ, бывшій въ началѣ царствованія Лжедмитрія, если бы доказано было, что Шуйскій открыто называлъ его Отрепьевымъ и что на судѣ обнаружена лживость его показанія. Всѣ почти историческія источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедмитрія, согласны въ томъ, что Шуйскихъ судили, приговорили Василю къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкой вмѣстѣ съ его братьями и чрезъ нѣсколько времени простилъ его и всю родню и приблизилъ опять къ престолу ²⁾. Но какъ подробности этого событія, такъ и время указываются не одинаково. Русскіе лѣтописцы, хотя почти согласно относятъ время суда надъ Шуйскимъ къ первымъ днямъ вступленія Самозванца въ Москву, но не всѣ говорятъ, чтобы Шуйскій судимъ былъ за то, что открыто называлъ новаго царя Гришкой Отрепьевымъ.

¹⁾ П. С. Казанскій. Р. Вѣст. IX. 6.

²⁾ Масса, 164.

Судъ надъ Шуйскимъ объясняется отношеніемъ къ дѣлу о смерти царевича Димитрія. Шуйскій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти и погребенія Димитрія царевича. По смерти Бориса онъ, какъ выразился патріархъ Гермогенъ, велегласно обличалъ самозванство явившагося Димитрія. Видя успѣхъ Лжедимитрія, Шуйскій поспѣшилъ обезопасить себя, явившись къ Самозванцу на поклонъ въ Тулу и присягнувъ ему въ числѣ первыхъ. Эта покорность отняла у Лжедимитрія возможность немедленно избавиться отъ Шуйскихъ. Но, какъ опасный человѣкъ, онъ остался подъ тщательнымъ надзоромъ и, какъ говоритъ патріархъ, терпѣлъ гоненіе и утѣсненіе. Между тѣмъ и Шуйскій не могъ съ покорностью поклониться бродягѣ на престолѣ, и въ виду недавней присяги и свидѣтельства, что это царевичъ Димитрій, не могъ распускать слуховъ, что это растрига, а надѣялся подорвать уваженіе народа къ нему, распуская слухи о его нечестіи. Это и дошло до Лжедимитрія; поспѣшили нарядить судъ изъ всѣхъ сословіи, чтобы одна Дума Боярская не защитила своего члена. Шуйскій, игравшій въ послѣднее время такія перемѣнныя роли, потерявъ и въ народѣ уваженіе своимъ двоедушіемъ, былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи царя. Если бы на этомъ соборѣ была рѣчь о томъ, что должно новаго царя называютъ Григоріемъ Отрепьевымъ, то всѣ современные писатели упомянули бы объ этомъ, особенно иностранцы.

Судъ надъ Шуйскимъ предъ выборными изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь счелъ нужнымъ оправдывать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія, что онъ растрига Отрепьевъ, и совсѣмъ не коснулся важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасенъ въ юности и гдѣ жилъ до своего появленія въ Польшѣ,—служить новымъ подтвержденіемъ, что первый Лжедимитрій былъ дѣйствительно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрепьева.

Если бы было объяснено, по крайней мѣрѣ, то, что новый царь не есть Григорій Отрепьевъ, Шуйскій не рѣшился бы назвать его Григоріемъ Отрепьевымъ, и послѣ его смерти. Между тѣмъ послѣ гибели Самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрепьевымъ, но и повторялъ въ присутствіи

Романовыхъ и Черкасскихъ, что Отрепьевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ.

Изъ дѣла Шуйскаго, не видно ясно, чтобы онъ дѣйствительно открыто называлъ Лжедмитрія во время его царствованія. Григоріемъ Отрепьевымъ; но зато несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что дьякъ Тимофей Осиповъ публично и въ лицо самому Самозванцу называлъ его Григоріемъ Отрепьевымъ. Осиповъ, по общему отзыву, былъ вообще человѣкъ благочестивый. Его возмущало всеобщее поклоненіе Лжедмитрію, о которомъ зналъ онъ, что это растрига Отрепьевъ, и надменность этого похитителя престола. Онъ рѣшился открыто обличать его. Предъ тѣмъ онъ положилъ на себя постъ, двукратно причащался Св. Таинъ. На третій день послѣ свадьбы Самозванца на него, какъ на дьяка, возложено было порученіе объявить Марину царицей и присутствовать при присягѣ ей. Утромъ этого дня онъ простился съ женой и дѣтьми, ничего незнавшими о его намѣреніи. Его мать думала, что онъ хочетъ удалиться въ монастырь. Представъ предъ лицо Самозванца, онъ сказалъ: „Велишь ты себя писать въ титулахъ и грамотахъ цезарь непобѣдимый, а то слово по нашему христіанскому закону Господу нашему Иисусу Христу грубо и противно; а ты воръ и еретикъ, подлинный растрига Гришка Отрепьевъ, а не царевичъ Дмитрій“. Осиповъ затѣмъ объявилъ, что онъ не хочетъ присягать іезуиткѣ, царицѣ язычницѣ, которая своимъ присутвіемъ оскверняетъ святыню Московскую. Онъ хотѣлъ еще продолжать, но его тотчасъ же убили ¹⁾.

Самоотверженная рѣшимость дьяка Тимофея Осипова обличить въ глаза Самозванца, назвать его Гришкой Отрепьевымъ, показываетъ, какъ ясна и глубока была увѣренность многихъ, что названный Дмитрій есть дѣйствительно бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ.

Самозванецъ успѣлъ оказать особое сочувствіе Суздальскому Спасо-Евѣиміевскому монастырю, гдѣ Григорій Отрепьевъ, бродя изъ одного монастыря въ другой, прожилъ цѣлый годъ и оставилъ по себѣ памятникъ—рукопись довольно красиваго полуустава съ помѣщеніемъ въ ней двухъ канонъ: Святителю Іоанну и преподобному Евѣимію, Суздаль-

¹⁾ Масса, стр. 198 и Геркманъ стр. 236—7.

скимъ Чудотворцамъ; надъ первымъ надпись: „твореніе инока Григорія Спасо-Евѣиміевской Лавры“, надъ вторымъ: „твореніе инока Григорія тоя же обители“. Безъ сомнѣнія, сей авторъ есть одно лицо съ тѣмъ, которое, проживши годъ въ Спасо-Евѣиміевской обители, переселилось въ Москву и тамъ прославилось писаніемъ каноновъ и акаѣистовъ въ Чудовѣ монастырѣ, при патріархѣ Іовѣ; такъ какъ извѣстно, что Григорій Отрешевъ отличался умѣніемъ не только хорошо списывать, но и сочинять каноны святымъ лучше современныхъ ему книжниковъ. Въ благодарность ли за оказанный ему пріютъ или въ воспоминаніе авторскихъ трудовъ своихъ въ Суздалѣ, на жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича на села и деревни монастырскія въ 114 году (1606) при Годуновѣ, царѣ и Великомъ Князѣ Дмитріи Ивановичѣ всея росіи подписано: „тое грамоты рудить не въ чемъ не велѣно“; далѣе въ описи монастырской чрезъ нѣсколько страницъ написано: „двѣ грамоты тарханныя Царя Дмитрія 114 году ¹⁾“.

Самозванецъ царствовалъ всего одиннадцать мѣсяцевъ и убитъ былъ заговорщиками. Своими привычками и выходками, особенно легкимъ отношеніемъ ко всякимъ обрядамъ, отдѣльными поступками и распоряженіями, заграничными сношеніями Лжедмитріи возбуждалъ противъ себя въ различныхъ слояхъ Московскаго общества множество нареканій и неудовольствій. Однако главная причина его паденія была другая. Ее высказалъ коноводъ боярскаго заговора, составившагося противъ Самозванца, князь В. И. Шуйскій. На собраніи заговорщиковъ наканунѣ возстанія онъ откровенно заявилъ, что призналъ Дмитрія только для того, чтобы избавиться отъ Годунова. Большимъ боярамъ нужно было создать Самозванца, чтобы низложить Годунова, а потомъ низложить и Самозванца, чтобы открыть дорогу къ престолу одному изъ своей среды. Они такъ и сдѣлали, только они не надѣялись на успѣхъ возстанія безъ обмана. Всего больше роптали на Самозванца изъ-за поляковъ; но бояре не рѣшились поднять народъ на Лжедмитрія и на поляковъ вмѣстѣ, а раздѣлили обѣ стороны и 17 мая 1606 года вели народъ въ Кремль съ крикомъ: „поляки бьютъ бояръ и го-

¹⁾ Сахаровъ. Истор. опис. Суздал. Спасо-Евф. монастыря, стр. 36, 81—8.

сударя“. Ихъ цѣль была окружить Лжедмитрія будто для защиты и убить его.

Не знаемъ, можно ли въ пользу какого-либо мнѣнія привести столько доказательствъ, сколько представляется возможнымъ привести въ подтвержденіе той мысли, что первый Лжедмитрій былъ монахъ, извѣстный прежде подъ именемъ Григорія Отрепьева. Укажемъ въ заключеніе на одно частное обстоятельство. Имѣя нѣсколько подписей самозванцевыхъ, пишетъ Карамзинъ ¹⁾, видимъ въ латинскихъ слабую не вѣрную руку ученика, а въ русскихъ—твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, дьякъ патріаршій. Онъ не уступаетъ никакому дьяку того времени въ красивомъ изображеніи буквъ.

Мартынъ Беръ, жившій въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василии Шуйскомъ во все время междоусобицы и составившій Московскую лѣтопись съ 1584 года по 1612 годъ, пишетъ ²⁾: „Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ царя Іоанна Васильевича, а другіе иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1) Однажды спросилъ я Басманова (который съ Беромъ былъ очень друженъ и повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои) убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли Всемилоостивѣйшій Государь нашъ законное право на престолъ Россійскій? Басмановъ въ присутствіи одного нѣмецкаго купца, отвѣтилъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: „Вы, нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуется Васѣ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и не истинный царевичъ, однакожь Государь нашъ: ибо мы ему присягнули,—да и лучшаго царя найти не можемъ“.

2) Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ аптекаръ, служившій лѣтъ 40 сперва Іоанну Грозному, потомъ его сыну, послѣ Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго царевича, имѣлъ случай видѣть его ежедневно. Сей аптекаръ увѣрялъ меня, что Димитрій—не сынъ Іоан-

¹⁾ Т. XI, стр. 300.

²⁾ Сказаніе Современниковъ о Димит. Самозванцѣ. Часть I, стр. 102—104.

новъ; что царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марію Θεодоровну, а Царь нимало съ нею не сходствуетъ.

3) То же самое говорила мнѣ одна благородная Ливонка, взятая въ плѣнъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году; она была повивальною бабкою старой царицы и находилась при дворѣ безотлучно, воспитывая царевича.

4) Вскорѣ по убіеніи Димитрія (Лжедимитрія), я отправился въ Угличъ съ нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути въ одной деревнѣ встрѣтили стоятильнѣшняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ Государѣ, мы просили неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли сей царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и, перекрестившись, сказалъ: „Убить царь весьма храбрый; въ теченіи одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили весьма не благоразумно, ибо сами возвели его на престоль; конечно, онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожно. Онъ былъ человѣкъ разумный—однако не сынъ Іоанна Васильевича. Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ—тому уже 17 лѣтъ—и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ князей и бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливыѣ.

5) Предводитель польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкую Сергіеву Лавру, Янъ Петръ Сапѣга, однажды за столомъ, восхваляя храбрость поляковъ и доказывая, что они превосходили самихъ римлянъ, между прочимъ говоритъ: „За три года предъ симъ вооруженною рукою мы посадили на русскій престоль бродягу, подъ именемъ сына царя Іоанна Грознаго; теперь, въ другой разъ даемъ русскимъ новаго царя и уже завоевали для него половину государства: онъ также будетъ называться Димитріемъ.

Петрей, Шведскій посланникъ въ царствованіе Бориса Годунова, лично знавшій Самозванца, повторяя сказанное Берромъ, пишетъ, что Самозванецъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать, а Димитрій родился въ 1582 году и слѣдовательно имѣлъ бы тогда не болѣе 24 лѣтъ отъ рожденія.

1) Если бы истинный Димитрій вступилъ на престолъ, то онъ былъ бы не старѣе 22 лѣтъ; а Гришка имѣлъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ.

2) Едва Гришка коронованъ, явился въ Кремль одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что сей царь не сынъ Иоанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, бѣглець, обманщикъ, измѣнникъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать, знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услыхавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ то же самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: правда глаза колетъ.

3) Гришкинъ родственникъ Елеазаръ Отрепьевъ говорилъ и московскимъ боярамъ, и польскому королю Сигизмунду, предъ всѣмъ сенатомъ, и шведскому государю Карлу IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ его брата, заключенный въ монастырь отцомъ за негодные поступки, для исправленія; онъ ушелъ въ Польшу тайно, научился тамъ военному искусству и по совѣту злыхъ людей, недоброжелателей Борисовыхъ, особенно какого-то монаха, назвалъ себя Димитріемъ.

4) Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голосъ именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ царицѣ Маріи Феодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намѣреніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того священническаго сына, который былъ убитъ вмѣсто него и погребенъ, какъ царевичъ; но царица отвергла такое предложеніе; ибо знала, что въ сей могилѣ покоился прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянія неблагопріятныхъ для него слуховъ и для утвержденія его на престолѣ. Называла же царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что сей ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть ¹⁾.

1) Сказ. Современ. о Димит. Самозванцѣ т. I, стр. 276—279.

Въ царствованіи Шуйскаго, когда торжественно прославлены мощи св. страстотерпца, уже открыто говорили и писали, что „царевичъ государь нашъ князь Димитрій Ивановичъ убитъ на Угличѣ отъ Бориса Годунова“ ¹⁾, что государь нашъ царевичъ Димитрій Ивановичъ царствуетъ у небеснаго Царя во вѣки, а отъ мощей его, у Архангела, немощнымъ многимъ людямъ и нынѣ исцѣленіе бываетъ ²⁾. Подобное свидѣтельство находится и въ Угличскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ на длинномъ свиткѣ, содержащемъ записи людей, принадлежавшихъ сему монастырю еще прежде литовскаго нашествія и отыскивавшихъ свои права. На этомъ свиткѣ какой-то Тимошка Коневъ, служившій у царевича въ огородникахъ, говоритъ, что царевичъ убитъ въ Угличѣ ³⁾. Святитель Димитрій написалъ своеручно особое сочиненіе о жизни, смерти и чудесахъ царевича Димитрія и эту книжку прислалъ въ церковь, что на крови страстотерпца. Это сочиненіе и донынѣ благоговѣнно хранится въ сей церкви, какъ краснорѣчивый памятникъ истины, въ которой совершенно убѣжденъ былъ великій святитель.

Послѣ царя Самозванца на престолъ вступилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый князь Шуйскій, который ложнымъ слѣдствіемъ и доносомъ нѣкогда оклеветалъ убіеннаго царевича Димитрія и который, допустивъ гибель Θεодора Борисовича, способствовалъ утвержденію самозванца на престолѣ, но потомъ онъ же первый измѣнилъ самозванцу, составивъ противъ него заговоръ; такой царь не способенъ былъ умиротворить государство. И дѣйствительно пошелъ слухъ, что самозванецъ, провѣдавъ о заговорѣ на свою жизнь, бѣжалъ изъ Москвы при помощи поляковъ, что вмѣсто него убитъ, по ошибкѣ, другой человекъ. Такому слуху вѣрили многіе москвичи, вѣрили и жители дальнихъ областей. Чтобы уничтожить эту упорную молву и чтобы рѣшительно убѣдить народъ въ смерти царевича, царь Василій Ивановичъ Шуйскій, по совѣщаніи съ святителями и боярами, рѣшился перенести изъ Углича гробъ истиннаго царевича и похоронить его въ Архангель-

1) Акты Истор. т. II, стр. 137.

2) Стр. 239 и Акты Арх. Эк. т. II, стр. 216.

3) Свитокъ въ ризницѣ Угличскаго Алексѣевскаго монастыря.

скомъ соборѣ, рядомъ съ гробами его отца и предковъ. Съ этою цѣлю за гробомъ царевича въ Угличъ послана была комиссія изъ людей именитыхъ: посланы были Филаретъ, митрополитъ Ростовскій (бывшій Феодоръ Никитичъ Романовъ), Феодосій, архіепископъ Астраханскій и бояре; князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Феодоровичъ Шереметьевъ, Андрей и Григорій Нагіе.

Память убиеннаго царевича была дорога жителямъ Углича. Уже въ правленіе Феодора Иоанновича и Бориса Годунова они служили надъ нимъ панихиды; ходили слухи даже объ исцѣленіяхъ „одержимыхъ различными недугами и приходящимъ съ вѣрою къ его мощамъ“. Съ воцареніемъ Лжедмитрія угличане не смѣли болѣе чествовать усопшаго и тѣло его уединенно лежало въ опальной гробницѣ, безмолвно уличавшей мнимаго Дмитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились къ нему толпами, проливая слезы умиленія и покаянія въ томъ что они, зная истину лучше другихъ русскихъ, вынуждены были молчать противъ совѣсти.

Святители и бояре, прибывъ въ Угличъ, объявили царскую волю; опечаленные жители долго не соглашались выдать драгоценные остатки мученика и говорили: „Мы любили его и страдали за него; лишенные живого, утратимъ ли мертваго“ ¹⁾. Когда же при огромномъ стеченіи народа, вынувъ изъ земли гробъ, сняли его крышку, то увидѣли тѣло въ 15 лѣтъ едва поврежденное сыростью земли „яко жива лежащаго всего нетлѣнна, точію нѣкую часть тѣла своего, яко нѣкій долъ отдаде земли“ ²⁾. „Тогда поставиша мощи среди собору да вси граждане увѣрятся и прикасаются и прославятъ Бога и новоявленнаго страдальца неповиннаго“.

Въ виду сего непредвидѣннаго событія, комиссія отправивъ въ Москву слѣдующее донесеніе: „какъ они въ 28 день мая тѣ святія мощи осматривали, въ самое то время отъ гроба его весь храмъ наполнился благоуханія, и обрѣтоша мощи святія нетлѣнны и невредимы, токмо малая часть отдадеся земли ручнаго мизинца лѣваго; глава и власы его цѣлы и черное ожерельце, низанное жемчугомъ, въ лѣвой руцѣ

¹⁾ Такъ назыв. Рукопись Патриарха Филарета.

²⁾ Новый Лѣтоп. гл. 114, стр. 76.

платочекъ тафтяной, шитый золотомъ и серебромъ, въ которомъ завязаны были орѣшки, данные матерію для игранія; но когда заклали его, платочки сей обогреть былъ кровью; и самые орѣшки потому были скрыты подъ землю съ тѣломъ его. Срачица на немъ бѣлаго шелка обогрета кровію его; вверху швейная серебромъ и золотомъ одежда царская, порфира золототканная; опоясанъ поясомъ златымъ, сапоги красного цвѣта, чулки шелковые прехитро тканые; все сіе пѣло и невредимо обрѣтоша ¹⁾.

Въ единодушномъ восторгѣ все начали славить нетлѣные мощей, какъ явное знаменіе святости царевича; за симъ чудомъ послѣдовали новыя чудеса: по свидѣтельству современниковъ, недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Послѣ сего святители, духовенство и бояре вынесли святыя мощи изъ Спасо-Преображенскаго собора при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей города, направившись прямо по московской дорогѣ, пролежавшей тогда близъ нынѣшней Николосухопрудской церкви; но когда отошли отъ нея сажень около 30-ти, шествіе остановилось. По угличскимъ преданіямъ, шествіе пріостановилось вслѣдствіе чудеснаго событія: св. мощи нельзя было никакою силою сдвинуть съ мѣста. Существуютъ и догадки для объясненія тайной воли царевича: одни говорятъ, что ему не угодно было шествовать прямою дорогою къ Москвѣ потому, что этимъ путемъ бѣжали его убійцы и передавали въ Москву ложныя о немъ свидѣтельства и клеветы, другіе утверждаютъ, будто носились слухи, что святыя мощи на московской дорогѣ подвергнутся нападенію разбойниковъ. Въ недоумѣніи, что это означаетъ, рѣшили наконецъ измѣнить направленіе и идти большою Ростовскою дорогою, послѣ сего шествіе благополучно продолжалось. На окраинѣ города угличскіе именитые граждане просиша митрополита и прочихъ властей, да благословятъ остановиться у града на полѣ съ мощами, да вси граждане послѣднее цѣлованіе отдадутъ царевичу своему Димитрію Іоанновичу. Митрополитъ повелѣ стати съ мощами. Граждане же отъ стара и до мала съ великимъ умиленіемъ прощахуся и день и ночь. Во утріе же отпѣвше панихиду, въ путь поидоша. Угличскіе граждане

¹⁾ Яросл. Епар. Вѣд. 1867 г. ч. неоф. № 13.

провождаяще до обители Николо-Улейминскаго монастыря (десять верстъ), а иные до самой Москвы“¹⁾. Торжественное шествіе направилось чрезъ Ростовъ и Переяславль Залѣскій. Слава о новоявленномъ святомъ быстро распространилась, и потому во все время слѣдованія гроба его народъ во множествѣ встрѣчалъ и провожалъ его съ неумолкаемымъ колокольнымъ звономъ при церквахъ, стоящихъ на дорогѣ. Несли раку люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы. Въ городахъ въ Ростовѣ и Переяславлѣ мощи царевича встрѣчали и провожали торжественными крестными ходами, такъ что въ дѣйствительности это шествіе было однимъ продолжительнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ крестнымъ ходомъ, какой когда либо бывалъ на Руси: на протяженіи болѣе двухъ сотъ шестидесяти верстъ раздавались священные гимны во славу Божію и честь св. страстотерца. По прибытіи въ Троице-Сергіеву Лавру онъ встрѣченъ былъ торжественно архимандритомъ и братіею и нѣкоторое время стоялъ въ Троицкомъ соборѣ. Одинъ изъ современниковъ и очевидцевъ такъ описываетъ это событіе: „Егда же приближающимся честнымъ его мощамъ ко пречестнѣй Лаврѣ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы и Сергія Чудотворца и тоя честныя обители архимандритъ и священники и діаконы облачаяся во священныя одежды, съ кадила, и прочія вся братія со свѣщами срѣтаху его пречистыя и многоцѣлебныя мощи внѣ ограды съ радостными слезами и подобное надгробное псалмопѣніе лица ему воспѣваху. И обита во обители въ соборной церкви Пресвятыя и Живоначальныя Троицы нѣкую годину и паки поиде ко царствующему граду Москвѣ“²⁾.— Святители и бояре сопровождали священные останки до самой Москвы. 1606 года 3 іюня царь Василій Іоанновичъ и мать страстотерца великая княгиня Государыня Марѳа Ѳеодоровна съ святителями, духовенствомъ и боярами „со кресты“ при безчисленномъ множествѣ народа, встрѣтили святыя мощи за предѣлами столицы. Приблизившись къ нимъ, царь „совлекъ царскую червленую багряницу съ пречистыхъ мощей и цѣловавъ святого любезно“³⁾, самъ взялъ на руки гробъ и понесъ.

¹⁾ Яросл. Епар. Вѣд. 1867 г. ч. неоф. № 15.

²⁾ С. Ѳ. Платоновъ. Древне-Русское сказаніе о смут. врем. стр. 7.

³⁾ Яросл. Еп. Вѣд. 1867 г. № 15.

Этимъ усердіемъ и смиреніемъ онъ какъ бы старался очистить себя предъ страстотерпцемъ, о смерти котораго нѣкогда свидѣтельствовалъ ложно. „Во время шествія мнози получали отъ болѣзней исцѣленія“¹⁾. По принесеніи во внутренней градъ, мощи поставлены были на Лобномъ мѣстѣ града. А потомъ внесены въ соборъ Архистратига Михаила, въ которомъ пребывали посреди церкви на столѣ не покровенны“²⁾. Одинъ изъ очевидцевъ св. мощей такъ описываетъ одежды, въ коихъ они лежали: „И се не мало на убійцу во указаніе: не въ погребальныхъ убо, якоже по закону, въ бѣлыхъ ризахъ нынѣ страдалецъ въ ризѣ зримъ, но во иже прилучшихся въ немъ во свято страданіи, еговою обогрѣнѣхъ тогда кровью... Но ниже въ пренесеніи первосвятители и царю вложи святыи мысль ко еже бы премѣнитися тѣмъ... Число же въ рацѣ ризъ его сице бѣ: едина, иже по первѣй на срачицу въ животѣ его обычай полагатися, опоясуема; та же двѣ единаго существа бѣловиднаго тканія, иже къ тѣлеси приближни суть: срачица и гащи, иже дальнѣйшая объема части тѣла до плесну по сихъ препоясанія; елика къ симъ же сандаleyца со обувными платы багрянвиднѣнъ тѣхъ зракъ бѣ. Митра же честныя главы моему недостойну забвися виду: суть ли ту съ прочими или ни“³⁾. Царица, инокиня Марѳа, видя сына своего въ такой чести и бывъ тронута чувствительностью сердца, приносила въ соборѣ семь, самому царю и прочимъ людямъ раскаяніе такое: „Что она признала себя предъ сыномъ своимъ святымъ благовѣрнымъ царевичемъ Димитріемъ и предъ царемъ Василиемъ Іоанновичемъ виновницею въ признаніи мѣсто его страстотерца. Гришку растригу, по страху угрозъ его, за совершеннаго сына своего, что она сіе сдѣлала отъ омасенія дабы онъ, какъ и Годуновъ, не нанесъ ссыльнаго гоненія и нестерпимой нужды злыми обидами, испросила прощенія явно въ семь грѣхѣхъ. Царь же и патріархъ, видя ея раскаяніе, во всемъ ее простили на соборѣ людскомъ и повелѣ Митрополитомъ и Архіепископомъ и всему христіанству о избавленіи ея отъ такового грѣха молить Всеблагого Бога“⁴⁾. Три

1) Ibid.

2) Ibid.

3) С. Θ. Платоновъ. Др. русск. сказ. о смут. вр. стран. 114.

4) Яросл. Еп. Вѣд. 1867 г. № 15.

дня стоялъ гробъ открытъ для удостовѣренія народа и въ ожиданіи окончанія приготовленія къ торжественнымъ похоронамъ. Для преданія тѣла царевича землѣ раскопана была засыпанная могила Годунова въ предѣлѣ, гдѣ лежалъ царь Іоаннъ Грозный и его два сына. Похороны однако не состоялись, потому, что „какъ поставили его (царевича) въ церкви Архангела Михаила, и отъ его святыхъ мощей пролились рѣчки милосердія, много разслабленныхъ великимъ чудомъ уздоровились“¹⁾; вслѣдствіе чего царь съ соборомъ іерарховъ рѣшили открыто поставить ихъ въ Архангельскомъ соборѣ для торжественнаго чествованія. „Сотвори же царь Василій раку серебряну и вложи въ ню честныя мученика мощи, постави ихъ въ церкви Архистратига Михаила у столпа, якоже и доднесь ~~всѣми~~ видимы и уставиша праздновати трижды въ годъ: первое день рожденія его (19 октября), второе—убіеніе (15 мая), третіе—перенесеніе мощей его²⁾ (3 іюня). Вслѣдъ затѣмъ царь Василій Ивановичъ Шуицкій опубликовалъ повсюду грамоту, въ которой прострастно изложили обстоятельства перенесенія мощей св. царевича Димитрія, а также засвидѣтельствоваль и мученическую смерть его—по винѣ Бориса Годунова: „Въ прошломъ 99 году (1591)—писалъ онъ—за грѣхи всего православнаго христіанства великаго государя царевича Димитрія Ивановича *не стало послѣ убійства Годунова*, которой что невинный агнецъ *убитъ* и святая праведная его душа, а погребенъ есть на Угличѣ и многихъ исцѣлилъ больныхъ различными болѣзнями“. Описавъ затѣмъ въ какомъ видѣ сохранились св. мощи, онъ говоритъ по поводу орѣховъ, найденныхъ въ гробѣ мученика: „сказываютъ, что *коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ, въ ту пору его убіили и орѣхи кровью полились* и того для тые орѣхи ему въ горсти положили и тые орѣхи цѣлы“³⁾.

Такъ торжественно раскрыта была чрезъ 15 лѣтъ истина мученической кончины св. царевича Димитрія и раскрыта тѣмъ лицомъ, которое иѣкогда изъ страха человѣческаго послужило орудіемъ сокрытія ея: теперь страхъ, но уже не предъ людьми, а предъ всемогущимъ Богомъ и царевичемъ.

1) Собр. Госуд. грам. и догм. II, стр. 312.

2) Нов. Лѣтоп. гл. 114, стр. 77.

3) Собр. Госуд. грам. и дог. т. II, стр. 311.

чудотворцемъ, побудиль, хотя и со стыденіемъ лица за прошлое, свидѣтельствовать истину и просить прощенія за прежній грѣхъ свой.

Разставшись съ мощами царевича, угличскіе граждане; по общему совѣту, устроили въ память царевича Димитрія двѣ часовни, одну изъ нихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они слезно прощались съ нимъ „въ незабвенную память, а другая часовня устроена была тамъ, гдѣ кровь его обагрила землю. Мѣсто это находится въ сѣверо-восточномъ углу угличскаго Кремля, на довольно высокомъ берегу Волги и Каменнаго ручья; здѣсь во время смерти царевича былъ дворцовый садъ, существованіе котораго и дало возможность опредѣлить мѣсто смерти царевича, несмотря на то, что со времени ея прошло 15 лѣтъ. Впослѣдствіи, взамѣнъ часовень устроены были церкви, сначала—деревянная, а затѣмъ—каменная.

Въ храмъ, устроенный на мѣстѣ убіенія царевича Димитрія, была прислана вскорѣ по перенесеніи его мощей златошвейная плащаница-пелена съ изображеніемъ царевича Димитрія, питая собственноручно его матерью. Лѣтописецъ говоритъ, что „царица инокиня Марѳа присѣдѣше къ гробу сына своего и смотряше на тѣло его, нача шивати въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу, вышивши золотомъ и серебромъ, и шелкомъ. А на шеѣ изобрази жемчужное ожерелье, яко онъ ношаше до закланія своего о чемъ и вопрошенъ бысть отъ убійцы Волохова. Мать же благовѣрнаго царевича Димитрія, прося усердно Святѣйшаго патріарха Гермогена возложить на святыхъ мощи священными руками оную плащаницу. Святитель же сіе исполнивъ по ея прошенію посла въ Угличъ образъ благовѣрнаго царевича на дѣлѣ писанный. Услышавши сіе граждане встрѣтили со кресты и святыми иконами и внесоша во храмъ его, построенный на крови его. Плащаница и образъ его хранимы и почитаемы, яко истинный царевичъ, отъ гражданъ честно и благоговѣнно. И умысли чинъ духовный и гражданскій, да устаноятъ празднество плащаницѣ сей мѣсяца мая въ 16 день—нести вокругъ дворца его и младенцы подносить, яко же и царевичъ имѣлъ семь лѣтъ съ половиною ¹⁾ каковое празднество продолжается до настоящаго времени.

¹⁾ Яросл. Епарх. Вѣд. 1867 г. № 15.

Угличскій праздникъ 16 мая, говоритъ досточтимый заслуженный профессоръ Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскій, ¹⁾ отличается оригинальною глубокоумилительною торжественностью. Въ этотъ день послѣ литургіи „вокругъ царевичева дворца“ съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ обносится, при пѣніи тропаря царевичу, пелена съ изображеніемъ св. царевича Дмитрія, вышитая его матерью на прославленныя его св. мощи, и одръ, на которомъ онѣ были несены изъ Углича въ Москву. Подъ плащаницу и одръ угличскіе граждане всѣ—безъ различія званій и состояній—почитаютъ непремѣнно своею обязанностію поднести или поднести своихъ дѣтей, начиная съ грудныхъ и до 8-лѣтняго возраста. Въ этотъ майскій день вся кремлевская площадь г. Углича бываетъ наполнена тысячами разодѣтыхъ дѣтей со своими матерями, кормилицами и няньками. Глубокая вѣра, что злодѣйская рука убила только тѣло святого царевича, а святая душа его предстонтъ престолу славы Царя Небеснаго и незримо для чувственныхъ очей, но тѣмъ не менѣе дѣйственно отзывается, милостивно призираетъ на тѣхъ, кто съ усердіемъ молитвенно обращается къ царевичу;—эта глубокая вѣра превращаетъ день закланія его—этотъ нѣкогда ужаснѣйшій день—въ свѣтло-радостный праздникъ, „въ царевичевъ день“. Ибо слухъ дѣтей и сопутствующихъ имъ взрослыхъ оглашается чудными словами церковной пѣсни о царевичѣ „и нынѣ радуясь предстощи Святѣй Троицѣ“. День убіенія царевича—есть день небесной его радости и свою небесную радость онъ сообщаетъ дѣтямъ, пришедшимъ на его праздникъ. Мы не знаемъ, есть-ли гдѣ-нибудь еще на свѣтѣ подобный праздникъ! Пока дѣти заняты этимъ молитвеннымъ общеніемъ со своимъ небеснымъ покровителемъ, въ городскомъ, близъ лежащемъ саду, для ихъ земной радости предпринимаются дѣятельныя мѣры; тамъ во множествѣ собираются, состязаясь въ усердіи угодить празднующимъ дѣтямъ, продавцы игрушекъ, куколъ и лакомствъ: послѣ молитвы наступаетъ дѣтское гуляніе. Что же? И царственный святой отрокъ былъ закланъ послѣ литургіи во время прогулки, нося въ лѣвой рукѣ своей орушки, данные ему матерью.

¹⁾ Душепол. Чтеніе 1891 г. стр. 124—6.

Такъ смерть царственнаго отрока цѣлые вѣка является источникомъ жизнерадостныхъ ощущеній для юнаго поклѣбнія. Ибо въ дѣйствительности это была не просто смерть, а „закланіе“ и поистинѣ—„страшное закланіе“, *какъ справедливо засвидѣтельствовали современники* и три уже вѣка торжественно свидѣлствуетъ св. церковь. Царственный отрокъ, наслѣдникъ престола, не сдѣлавъ никому зла, „яко агнецъ незлобивъ“ былъ безчеловѣчно „закланъ отъ раба“, поднявшаго свою руку на святого отрока... Но Вышній, владѣющій царствомъ человѣческимъ, принялъ эту смерть „яко жертву непорочну“ и прославилъ страстотерпца отрока, какъ „богомудра мученика“: ибо содѣлалъ его постояннымъ предстателемъ и молитвенникомъ „о державѣ богоугодной“ сродниковъ святаго, донынѣ составляющей основаніе и оплотъ благоденствія всѣхъ сыновъ Россійскихъ.

Какимъ образомъ могла сохраниться пелена-плащаница, когда самый Царевиче-Димитріевскій храмъ былъ сожженъ литовцами въ 1611 году, историческихъ данныхъ для положительнаго на этотъ вопросъ отвѣта не имѣется, но можно полагать, что этотъ чтимый предметъ сохранился также, какъ сохранились въ Угличѣ послѣ Литовскаго раззоренія и нѣкоторыя чтимыя иконы. Сохранены же онѣ благочестивыми угличанами, спасшимися отъ избіенія литовцами, которые, убѣгая изъ города, уносили изъ города самое дорогое, что было въ Угличскихъ храмахъ: въ Царевскомъ храмѣ такимъ предметомъ была, конечно, пелена-плащаница; ее то и счелъ нужнымъ, вѣроятно, унести съ собою изъ города кто-то изъ благочестивыхъ жителей. Когда воцарился Михаилъ Феодоровичъ, то скрыватель святыни принесъ ее царю, какъ родственнику царевича Димитрія. Царь сохранялъ эту святыню около десяти лѣтъ, а затѣмъ отослалъ ее въ Угличъ,—въ храмъ на крови царевича, какъ о томъ свидѣлствуютъ Угличскія переписныя (1674—1676) книги.

Зная расположеніе къ городу Угличу царя Михаила Феодоровича, устроившаго въ 1630 году новый деревянный храмъ взамѣнъ сгорѣвшаго на мѣстѣ убіенія царевича Димитрія, Угличскіе граждане согласились просить царя возвратити мощи царевича на утвержденіе Углича, съ каковой цѣлью обратились съ слѣдующимъ челобитьемъ: „Благовѣрному царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу, всея

Россіи Самодержцу, и святѣйшему патріарху Филарету Никитычу бьемъ челомъ града Углича духовный чинъ и граждане прошеніемъ о мощахъ святого царевича Димитрія, дабы пожаловалъ царь благословеніемъ патріарха отнять часть хотя его тѣлесе и даровалъ бы на освященіе удѣльному граду новопоселившемуся по раззореніи по Литвѣ, по его Великаго Государя царской милости, да еще бы пожаловали, отпустили къ намъ на Угличъ одръ и старую раку, изъ Углича унесенную съ мощами въ Москву, да образъ его, каковой благоволятъ прислать. А мы все Угличане, въ началѣ чинъ духовный, архимандриты, игумены, протопопъ съ братією и весь священный чинъ приходскихъ людей ихъ церквей, ожидаемъ сего безцѣннаго сокровища, чудесами проявленнаго; не презрите нашего, бѣдныхъ угличанъ, прошенія и желанія. Писано въ Угличѣ 7138 (1630) года августа 1-го дня. 1)“ Прошеніе Угличскихъ гражданъ чрезъ самое непродолжительное время было исполнено. „Егда получа прошеніе угличанъ царь и патріархъ не презрѣ толкаго гражданъ моленія, посовѣтовавъ съ отцомъ своимъ плотскимъ и духовнымъ Филаретомъ Никитычемъ, кую бо часть мощей царевичевыхъ послать въ Угличъ и вложитъ Богъ имъ мысль. Патріархъ, отпѣвъ всенощное бдѣніе благовѣрному царевичу Димитрію соборомъ, предъ литургією прикоснулся св. мощамъ и отъять святую кровь его, скпящуюся у гортани, величною съ яичко и вложивъ въ уготованный ковчегъ акн образъ кипарисной, обложи его серебромъ съ чернію и позлативъ. Около же сего ковчега въ таковыхъ же ставочкахъ вложи четыре орѣшка лущены и утвердивъ добре тотъ ковчегъ, отпустиша въ градъ Угличъ, съ нимъ одръ, старую раку, въ которой несли мощи царевича въ Москву, два покрова съ сего раки и образъ съ мощами. Носили и раку съ покровы, единъ по бѣлой землѣ съ красноватыми лапочками, а другой атласный лазореваго цвѣта, поставиша въ Преображенскомъ соборѣ на лѣвой сторонѣ, гдѣ была его могила, и тако принесены бысть въ лѣто 7139, а отъ Рождества Христова 1631-е декабря въ 10 день, по раззореніи въ 12-е лѣто, а по убіеніи царевичевомъ въ 40-е и на сіе выдана Царская и Патріаршая грамота 2).“

1) Ярослав. Епар. Вѣдом. 1867 г. ч. неоф. № 15.

2) Въ 1654 году образъ царевича Димитрія обложенъ былъ серебромъ

Еще ранѣе икона страсотерпца царевича Димитрія при-слана была въ г. Серпуховъ; въ настоящее время она находится въ Серпуховскомъ Владычномъ монастырѣ въ при-дѣлѣ св. царевича Димитрія и почитается чудотворною. На иконѣ надписе: „Въ лѣто 7115 (1607) іюня 22 поставленъ бысть сей святой образъ св. великомученика царевича Димитрія во Владычнѣ монастырѣ, въ церкви Пресвятыя Богородицы Честнаго и славнаго Ея Введенія повелѣніемъ благочестивѣйшаго царя и великаго князя Василія Ивановича всея Россіи вины ради сицевыя. Въ то убо время бысть междоусобица попускающу Богу, а врагу дѣйствующу грѣхъ ради нашихъ, понеже людіе завистию побѣждаемъ и гордостію; воста убо сѣверная (сѣверская) страна на Московское государство корыстей ради великихъ научени бѣсовскими лестми и крови пролишася тогда, яко воды на землѣ, и Божію милостію и молитвами св. царевича Димитрія, бысть побѣда велія на богопротивныя тѣя люди и лютыя разбойники пришествіемъ святаго образа сего съ Москвы въ Серпуховъ іюня въ 5 день на память св. мучен. Дородея, епископа Тирскаго“¹⁾. Едва ли эта икона не самое первое и вѣрное изображеніе св. царевича Димитрія?

Древняя икона царевича Димитрія есть въ Горшцкомъ женскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи, присланная его матерью Марѳой Теодоровной²⁾.

О сохраненіи мощей св. царевича Димитрія во время занятія Москвы французами протоіереемъ А. Тяжеловымъ въ Чтеніяхъ Моск. общ. любителей духовнаго просвѣщенія³⁾, напечатано слѣдующее сообщеніе: „Вознесенскаго Московскаго дѣвпчаго монастыря священникъ Іоаннъ Як. Веніаминовъ, захваченный однажды непріятелями, бысть ими приведенъ въ Архангельскій соборъ; здѣсь о. Іоаннъ увидѣлъ

съ позолотою въ молитвенную благодарность за избавленіе г. Углича отъ моровой язвы: И текоша граждане, говорятъ лѣтописецъ, ко храму царевича Димитрія и нача молитися Пресвятѣй Богородицѣ и царевичу Димитрію со слезами. И тогда граждане обложивша образъ Царевича серебромъ тонкимъ съ позолотою.

¹⁾ Яросл. Еп. Вѣдом. 1867 г. № 15.

²⁾ Описаніе Серпух. Владычнаго Монастыря, стр. 36.

³⁾ Русс. Вѣст. 1877 г. кн. 9 стр. 31—Исслѣдованіе о личности перваго Лжедмитрія, ст. П. С. Казанскаго.

св. иконы ободранными, облаченія разбросанными по полу и множество соломы, хлѣба и бочки съ виномъ. Обозрѣвая далѣе соборъ, онъ замѣтилъ мощи царевича Дмитрія выброшенными изъ раки и лежащими на соломѣ. Мгновенно рѣшившись сохранить святыню отъ поруганія, онъ, когда французы заснули послѣ обѣда, вынесъ мощи подъ одеждою изъ собора и, принеши въ Вознесенскій монастырь, положилъ оныя внутри алтаря соборной церкви на хорахъ 2-го яруса. По изгнаніи французовъ, мощи св. царевича Дмитрія были торжественно перенесены въ Архангельскій соборъ.“

По разсказу И. М. Снегирева, слышанному имъ отъ діакона Вознесенскаго монастыря, мощи царевича Дмитрія находились за иконостасомъ соборной церкви помянутаго монастыря довольно долгое время, ибо священникъ, скрывшій ихъ, сообщилъ о нихъ своему брату (который довелъ до свѣдѣнія начальства) только предъ своею смертью ¹⁾.

Д. Лавровъ.

---

¹⁾ Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ.